

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, расскажите о своем детстве, о ваших родителях. Какие события детства и юности произвели на вас сильное впечатление?

— Последнее время я только тем и занимаюсь, что вспоминаю свое детство, что уже, честно говоря, не так-то просто. (Смеется.) Самое сильное впечатление детства — это общение с моими родителями, которые, безусловно, были очень интересными людьми. Крут их общения — это люди, которые создавали культуру того времени: Катаев, Пастернак, Богословский, Шостакович и т.д. Другое сильное впечатление — это смерть Сталина (просто-как-факт), потому что я видел, как реагировала на это моя семья, которая, как и многие другие семьи, пострадала от этого человека. В то время я учился в школе и помню, какие там были изменения в связи с этим. Так, лет в шесть вздумалось мне разрисовать портрет Сталина (он тогда еще был жив): желтым цветом сделал ему лицо, а голубым — глаза. В школе тогда начался переполох, и долго решали, сдавать меня или нет. Мама моя очень переживала. А потом все пошло по-другому. Третье сильное впечатление — это атомная бомба, так как разговоры о ней были главной темой того времени. Ею все время грозили и готовили нас к тому, что вот-вот американцы начнут атомную войну и нас погубят. Поэтому, когда мне было десять лет, я плохо спал, так как думал, что они на нас что-нибудь сбросят. Сильное впечатление производил на меня мой дедушка, который прожил чрезвычайно интересную жизнь и был теплым и очень талантливым человеком. Он прошел через все ужасы, которые были в нашей истории, но при этом остался очень веселым и живым. Литература произвела сильнейшее впечатление потому, что начиная с восьми лет меня поселили за городом в доме, где не было телевизора, а была только библиотека. Я не стоял перед выбором: посмотреть передачу «Аншлаг» или прочитать Достоевского. (Смеется.) Таким образом, я вынужден был читать книги, а не смотреть «Аншлаг». От этого очень много трудностей возникло в моей жизни: меня никак не могли убедить, что это лучше и интереснее. Поэтому мое желание заниматься искусством было естественным, хотя воспитывали меня трудовым образом. Благодаря этому я умел делать все: от уборки дома до плотницких дел. Вообще мой отец считал, что я никоим образом не должен быть интеллигентным ребенком. Мне позволили отказаться от изучения иностранных языков, что нанесло мне чудовищный вред. Я демократично не хотел заниматься интеллигентскими штучками, например, лепить из пластилина, но очень увлекался боксом. Вот таким я был ребенком.

— Скажите, а это вы были прототипом героя «Детской поэмы» Владимира Высоцкого про Витю Кораблева и его закадычного друга Ваню Дыховичного?

— Нет, между нами нет ничего общего. Просто он взял мою фамилию и имя и вставил в рифму. Но сама фраза, конечно, возникла из того, что мы общались. Я не знаю, считал ли он меня близким другом, но надеюсь, что какое-то время был им. Во всяком случае, я относился к нему как к близкому товарищу. Но скорее «Ой, Вань, смотри-ка, попугайчики...» адресовано мне, чем «Детская поэма». Тем более что в детстве я был хулиганом, а герой поэмы Ваня Дыховичный — примерный мальчик.

— В институтские годы вы танцевали рок-н-ролл. А сейчас смогли бы?

— Точно, меня даже за это выгнали из института. Думаю, что и сейчас смог бы.

— А давно пробовали?

— У меня молодая жена, поэтому иногда мы танцуем рок-н-ролл. Оля очень хорошо танцует. Наконец-то я

ЧЕЛОВЕК КРАЙНОСТЕЙ

Ивану Дыховичному надоело называться главным режиссером РТР

нашел себе пару для танцев. Собственно говоря, мы сошлись из-за рок-н-ролла. На самом деле у меня была проблема с партнершей. Раньше я танцевал с Леной Матвеевой (солисткой Большого театра, которая впоследствии ставила танцы на льду у Тарасовой). После Лены партнершей стала моя жена. Поэтому с рок-н-роллом у меня хорошие отношения, тем более что в моей жизни как мода он возвращался три раза. В первый раз меня исключили из-за него из института, во второй никто не исключал, а сейчас я танцую его с большим удовольствием благодаря перестройке и Горбачеву. (Смеется.)

— Что для вас более интересно: быть режиссером, актером или работать на ТВ?

— Интереснее всего для меня — быть режиссером. Вернее, мне интереснее создавать те проекты, которые мне интересны. А вот актером мне совершенно неинтересно быть, и сейчас я этим не занимаюсь, хотя могу это делать вполне профессионально. Я могу готовить, водить машину, играть в театре — все это у меня входит в один комплект, то есть делаю это не лучше всех, но весьма профессионально. Рок-н-ролл тоже танцевал профессионально и даже получал призы. Режиссура же мне очень интересна, но здесь есть свои проблемы. Когда я артист, то отвечаю только за то, что я артист; когда готовлю еду — то за еду. А в режиссерском кино я отвечаю за все. Мне говорят: «Ну да, это режиссерское кино». Подразумевают почему-то, что это не актерское, а операторское кино. На самом деле в режиссерском кино всегда все качества — и оператора, и актера — проявляются в лучшей степени. Так, как играли Солоницын и Михаил Кононов у Тарковского, они никогда не играли; или Миронов у Леша Германа. Что это за авторское кино, где видно только режиссера? Чувств полна. На самом деле это коллективное искусство. И этим мне близко ТВ, оно тоже представляет собой коллективный труд.

— Вы являетесь главным режиссером РТР. А не поделитесь, чем вы вообще занимаетесь, находясь на этой должности?

— Здесь я сразу хочу внести поправку. Два года назад я был приглашен Александром Акоповым работать на РТР. И он, видимо, для того, чтобы мне было приятно, придумал эту должность. На самом деле ни должности, ни чины не имеют для меня значения. Я в большой степени деятель, чем номинальный работник. Я ему очень благодарен, что он ко мне относится так бережно, но на самом деле я никогда не был настоящим начальником, поскольку у меня не было ни возможностей, ни денег. Просто ему хотелось, чтобы некоторые люди пришли работать на канал. Из этого возник целый ряд проектов, которые нам удалось или не удалось сделать. Как бы РТР ни ругали, но я проработал как раз те два года, когда на канале действительно не было никаких денег в отличие от других каналов. Наша небольшая команда выходила сама из этого положения. Я не жалею об этом времени. Кстати сказать, в бедности и нищете рождается больше замечательных проектов, чем в благополучные времена. На других каналах постоянно говорят: «Нашему каналу было как никогда трудно». Но РТР действительно было нелегко. Для того чтобы дальше здесь трудиться, нужно осмыслить те особенности, которые уже сейчас стали проявляться. Видимо, канал будет более информативным и аналитическим, а художественных программ будет все меньше. И

я чувствую, что могу не вписаться в новый ритм. Не потому, что мне плохо относятся, а потому, что у канала уже будет другое направление. В данный момент я хочу снимать художественное кино.

— А насколько важно угадать пристрастия зрительской аудитории при работе на канале РТР?

— Мне кажется, что угадывать пристрастия зрителей — это дело хорошее, но не главное. Если вы начнете с того, что будете угадывать пристрастия телезрителей, то дело обречено на полный провал. В этом случае исчезает индивидуальность человека, исчезает особенность передач, исчезает тот риск, который всегда заложен в хороших проектах. Если все такие умные и столько лет работают на ТВ, то чего же они до сих пор так мало угадали передач? Я внимательно слушал замечания людей, давно работающих на ТВ, — они все время угадывают и все время знают, что будет пользоваться огромным успехом. И почему-то часто именно эти проекты канализались неудачей. Но в этом никто не признается, так как это привело бы к потере того или иного места. А вот те проекты, которые с первого взгляда не претендовали стать попсовыми, впоследствии были популярны. Но чтобы им пробиться, надо преодолеть огромную стену из всезнаек, которые утверждают, что это будет неинтересно. Или, например, задача ярлыков: эта передача аналитическая, а не информационная. А я могу утверждать, что на ТВ чистых жанров почти нет, и у нас страна, в которой чистые жанры не очень воспринимаются. То есть мы не можем сделать чистый CNN (это мое мнение). Тем не менее многие зрители смотрят те передачи, которые у меня вызывают недоумение. Но я знаю, что у них хороший рейтинг только потому, что их ставят в хорошее время и всячески пропагандируют. Для того чтобы оценить рейтинг передачи, она должна находиться в эфире не меньше месяца и должна стоять каждую неделю в одно и то же время. РТР практически ни одну передачу не может удержать в этих рамках. А это закон ТВ. В раннем детстве родители выделили мне отдельную комнату. Когда в доме переругала лампочка, то ее выворачивали всегда у меня. Вот так и с программами поступают. Чтобы удержать место передачи, надо иметь звания, например, быть главным режиссером. Но я никакой не главный режиссер, ибо мою передачу три раза меняли местами с другими передачами. Можно называться хоть генералиссимусом, но от этого суть не изменится.

Иван Дыховичный.
Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

— Как, по-вашему, изменения общественной атмосферы влияют на судьбу ТВ, и в частности, на судьбу новых программ?

— К сожалению, ТВ в большой степени влияет на общественную жизнь, поскольку наша общественная жизнь весьма сумбузна. У нас сейчас нет общественного мнения и общественной жизни, а есть тусовка, есть пародия на общественную жизнь, есть борьба за власть. Наше общество инертно, но понятия «общество» и «народ» нельзя путать. Народ — это абстрактное понятие, легко подгоняемое под любую мысль. Говорят: «Народ сейчас не хочет этого». А кто спрашивал этот самый народ? Общественным мнением можно легко манипулировать только потому, что его нет. СМИ его могут создавать. Так, люди говорят: «Нам надоело насиловать с экрана». «Отлично», — говорю я, ненавидящий насилие на экране и показ развращенных на улице людей. Но цифры, которыми манипулируют, говорят об обратном: смотрят именно те передачи, про которые говорят, что не хотят их смотреть. «Мы не хотим засилья попы», — говорят люди, но смотрят самые пошлые передачи. Как с этим бороться? Если в это вмешивается идеология, то тут же начинается обвинение в возврате к тоталитаризму. Везде начинают кричать: «Какая у нас может быть цензура, ведь мы только что добились свободы». Но свободу мы тоже понимаем парадоксально. А ответственность делателей, художников отсутствует. Сегодня обвинявшие и абсолютно лишенные работы люди готовы делать что угодно, лишь бы им дали работу. То есть если им скажут: «Нам нужно еще десять передач типа

«Дорожный патруль», — все будут радостно делать их. У нового поколения вообще отсутствуют принципы, из-за которых они не будут делать то или другое. Все зависит лишь от суммы денег. От поколения более старшего (я его не романтизирую) я слышал слова отказа. С другой стороны, им это никто и не предлагает, ссылаясь на то, что сейчас время молодых. Я не против того, чтобы появлялись молодые, я полностью за то, чтобы преемственность сохранялась, но этой преемственностью мы разорвали связь времен. Мы сказали, что прошлая жизнь вся никуда и там не было ничего, а вот с этого момента все и начнем. Появилось новое искусство, новые книги, новое кино и театр. Но почему-то за десять лет не появилось ни одного шедевра. Это все из-за того, что не произошло естественного соединения между той жизнью и этой. Она сейчас будет налаживаться, но этот момент очень сложен. Это касается и общественного мнения и всего остального.

— Однажды вы сказали: «Я знаю, что такое дружба». А как вы относитесь к такому высказыванию, что друг — это тот человек, ради которого можно пожертвовать рукой или ногой?

— Я с большой осторожностью отношусь к словам, что я отдам за тебя ногу или руку. Это какой-то страшный российский надрыв. Почему я должен отдавать свои органы? Я не знаю, как я поступлю в этом случае, даже если это будет касаться самых близких мне людей. А тем, кто произносит слова, что я отдам свое сердце, почки, уши своему ребенку, маме, я не верю. Я верю тем, которые молчат или говорят: «Не знаю, как поступлю». Для меня понятия дружбы круглосуточно. Вот есть люди, с которыми я круглосуточно общаюсь. Другой в это демократичное время все меньше и меньше. Но, оказывается, разъединяет в большей степени отсутствие врага. Мы ничему не сопротивляемся. И это, как ни странно, в России нас разобщило. Мы общаемся по интересам. Сейчас я друзьями называю тех людей, с которыми у меня много общих взглядов на жизнь, чего могу общаться с ними далеко не каждую неделю. Но когда я к ним обращаюсь, мне интересно, как они думали, что и говорят. Таких людей с годами становится все меньше. Друзья у меня есть, но их немного.

— Не так давно Никита Михалков сказал, что мы стоим на пороге возрождения кинематографа. Вы с этим согласны?

— Я очень хотел бы согласиться с Михалковым, но это будет зависеть от того, появятся ли у режиссеров, у продюсеров идея. Если нет, то можно валить на государство, на богатых людей, которые не дают денег, и т.д. — ничего не будет. Вот возьмем Лешу Германа. Ну никто не дает ни копейки под такие проекты, которые снимает Герман. Я вас уверяю, что он не человек, который имеет знакомых среди банкиров; он не человек, который может каждый день звонить президенту; он не человек, который имеет связи. Алексей Герман просто убежден: то, что он делает — это есть искусство, что этим он заражает людей. Можно, конечно, сказать, что у него есть авторитет имени. Но дело в том, что он жил так и раньше, и первую свою картину он снимал так же, а не потому, что у него папа Герман. Он так же убеждал советскую власть в том, что ей категорически было не нужно. Поэтому да, очень тяжело обстоят дела, да, отсутствует прокат, но это все можно преодолеть, когда появится идея. Так что Михалков прав и не прав. От того, что мы просто построим новые кинотеатры, ничего не бу-

дет, ведь показывать можно и американские фильмы.

— Как вы считаете, каким образом надо подготавливать зрителя для восприятия элитарного кино? И вообще нужно ли это?

— Я это делал в передаче «Уловка-22» и имел в этом смысле очень хороший результат. Люди идеально начинают понимать то, что сначала ими не воспринималось. Как раз ТВ этим и может заняться. ТВ же прекрасно анонсирует плохие фильмы, делает промоушн для чудовищных передач. Почему оно не делает это по отношению к хорошим фильмам и передачам? И возможности тут были, мы находили раньше понимание у зрителей. Мне говорят: «Что же, мы будем показывать только элитарное кино?» Да не надо одно элитарное, вы покажите хотя бы одно в неделю. Наши люди прекрасно воспринимают такие фильмы.

— Можно ли доверять кинокритикам, ведь многие люди идут смотреть те фильмы, которые ругают?

— Критики в своей массе разнообразны. Есть такие, которым можно доверять, например, Андрею Плахову или его жене — Елене Плаховой. Мое мнение не всегда совпадает с их мнением, но я знаю, что эти люди глубоко и серьезно относятся к кинематографу. А есть и огромная команда, которой нельзя доверять.

— Вы человек крайностей: профессионально катаетесь на горных лыжах, на снежном мотоцикле, летали на дельтаплане и самолете. А в последнее время вы совершали что-нибудь нетрадиционное?

— Я никогда не думал, что совершаю что-нибудь нетрадиционное, просто у меня такой характер. Все, что я делал в своей жизни, было не всегда правильно, но у меня были некоторые понятия, из-за которых я все это совершал. Например, я занимался боксом в то время, когда им никто не занимался, я не изучал иностранные языки, когда их все изучали. Я уехал работать во Францию, когда никто не работал за границей, и был там изгоем, тем не менее мне удалось сделать и фильм, и проект, а уехал я оттуда, когда мне предложили там нормальную работу. Я не считал себя умнее других, просто я такой, какой я есть.

— А вам известна формула успеха фильма?

— Нет, она никому не известна. Но здесь есть два закона: первый — никогда не лови конъюнктуру, а отдавайся тому, что чувствуешь, и второй — отступай или наступай.

В выборе нет здравого смысла. Все люди, которые говорят, что они что-то угадали, на самом деле ничего не угадали, они просто этому соответствовали. Должна быть идея, удача и многое другое. Прежде всего надо себя услышать, а не поддаваться уговорам, что нужно делать то, а не это. Вот, в Америке работает целый институт, чтобы вычислять правильность коммерческих проектов, и у них получается лишь 1 к 50. А в нашей стране нет денег на исследования, нельзя понять, сколько зрителей, неизвестно, где прокат. А без этого вообще ничего нельзя угадать. Дальше происходит обман. Приходят и говорят: «Наша картина имеет огромный успех. Ее смотрит весь мир». А кто это может подтвердить? Все это полнейшая чушь.

— На что вы в первую очередь обращаете внимание в женщине?

— Смотреть можно по-разному. Один смотрит так: похожа на Барби или нет. Если похожа, то нравится. Есть еще один взгляд, значительно более изысканный. Это когда вы смотрите на весь образ, а не отдельно на нос или уши. А оценить можно по лицу, по взгляду, по пластике и т.д. Должно что-то зацепить, что-то неуловимое.

— Вас часто можно увидеть с трубкой. А если женщина курит, то она может рассчитывать на успех у вас?

— Если она это делает легко и со вкусом, то почему бы и нет.

— У вас есть идеал женщины?

— Нет, но мне очень повезло с женщиной, с которой я сейчас живу.

— Всех ваших жен звали Ольгами. Как вы думаете, это судьба или вы просто тяготеете к этому имени?

— Я над этим меньше всего задумывался. Хотя, может быть, моей жене не очень приятно, что моих бывших жен тоже звали Ольгами. Пошутить можно так: с возрастом память слабеет, и точно уж никогда не перепутаю имя. А если серьезно, то имя человека влияет на его судьбу. По этому поводу есть очень интересные труды. Все Ольги разные, как и все мои жены, но есть и нечто общее в их характере. Оля для меня хорошее имя, и я верю в судьбу.

— По вашему мнению, надо жить разумом или чувствами?

— Неплохо бы это соединять. У одних людей преобладает разум в поступках, а у других эмоции. Если получается гармония соединения, то это успех. Но так бывает очень редко. У меня же чаще эмоциональное начало берет верх, и только потом включается голова.

— Однажды вы сказали: «Вообще современное искусство делает все, чтобы человек разлюбил жизнь, перестал верить и надеяться». Как вы считаете, что должен делать человек, чтобы противостоять этому?

— Человек должен сам на своем месте делать то, из-за чего ему стоит жить, а не кончать жизнь самоубийством. Часто упрощенность жизни превращает людей в неинтересные персонажи, и в результате люди теряют интерес к жизни. Вот поколение «новых русских», которые добились материального благополучия, — они потеряли интерес к жизни. То есть это не означает, что чем больше денег, тем меньше интереса к жизни, но тем не менее им бы не мешало осмыслить, зачем они хотят заработать эти деньги, ради чего они существуют, чего хотят в этой жизни. С одной стороны, это простые вопросы, а с другой стороны, на них очень сложно ответить.

— Вы верите в перспективу малобюджетных картин?

— Нет, я не верю в перспективу малобюджетных картин так же, как не верю в лечение только знахарскими методами, потому что это все смешно. Вполне может быть проект, который невероятно дешевле и одновременно весьма оригинален. Таких примеров очень много. Но нельзя же делать только такие фильмы. Я не говорю, что проекты должны стоить 40 миллионов и тогда это будет национальный фильм. Когда я присутствовал на встрече деятелей культуры с Путиным, президент сказал: «У нас есть небольшая сумма денег на культуру, но мы ее удержим и не дадим стащить. Вы можете сформулировать, на какую идею или образ нужно направить эти деньги, ведь мы не можем расплыть их?» И он не услышал вразумительного ответа, и никто даже не сказал: «Дайте нам время, встретимся через месяц». И меня это поразило. Каждый сказал, что деньги надо на его проекты. Но Путин хотел услышать не это. И ему нельзя отдать должное, ведь вопрос сформулирован грамотно. А грамотного ответа не было, кроме того, что денег маловато, а много ума здесь и не надо.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Иван Владимирович Дыховичный родился 16 октября 1947 г. в Москве. В 1969 г. окончил актерское отделение Театрального училища им. Щукина, после чего до 1970 г. играл в Ленинградском театре миниатюр, затем 13 лет работал в Театре на Таганке. В 1982 г. окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Режиссер художественных фильмов «Испытатель», «Черный монах», «Красная серия», «Прорва», «Женская роль», «Музыка для декабря». С 1997 г. — автор и ведущий публицистической программы «Уловка-22» дирекции «РТР-фильм» канала РТР-1 ВГТРК. В июле 1998 г. назначен главным режиссером канала РТР-1 ВГТРК.